

К СТОЛЕТИЮ А.ВВЕДЕНСКОГО

«У меня нет никакого выхода, и никакой возможности жить так дальше...»

Письма А.Введенского в Детиздат*

Владимир Глоцер

6-го декабря исполняется сто лет со дня рождения классика русской литературы – поэта, драматурга и детского писателя – Александра Ивановича Введенского (1904–1941), человека трагической судьбы. Последний раз он был арестован по политическим мотивам в сентябре 1941 года, уже в тюрьме встретил роковой для русских поэтов 37-й год рождения и вскоре погиб.

Летом 1936 года Александр Иванович Введенский, которому было немногим больше тридцати, приехал вместе с Сергеем Михалковым в Харьков по какому-то издательским делам и в Харьковском отделении Союза писателей познакомился с молодой двадцатитрехлетней секретаршей Галиной Борисовной Викторовой, у которой, однако, был уже полуторагодовалый ребенок, сын Боря. Вскоре они поженились, и Введенский переехал из Ленинграда в Харьков. В следующем, 1937 году у них родился сын Петя.

Во время переезда Введенский был уже известным детским писателем. С основания «Ежа», а потом и «Чижика» он сотрудничал в этих журналах. И с 1928 года выходили его книжки для детей, среди которых самой популярной была «Кто?» с рисунками Л.Однына.

Дядя Боря говорит, что Оттого он так сердит, что Кто-то на пол уронил Банку, полную чернил, и оставил на столе Деревянный пистолет, Жестяную лудочку И складную улочку.

Гораздо меньший круг людей знал Введенского-поэта не для детей. Это было связано с тем, что после двух стихотворений, опубликованных в 1926 и 1927 годах, и устных выступлений во второй половине 1920-х – самом начале 1930-х годов Введенский-

А.Введенский. 1930-е годы. РГАЛИ. Фонд Е.Шварца. Публикуется впервые

Введенский написал одни из лучших своих вещей: «Некоторое количество разговоров», «Потеп», «Елка у Ивановых», «Элегия», «Де. Когда». Возможно, что он написал и больше, но эти вещи не дошли до нас.

Однако, перебравшись в Харьков, Введенский не поврал с главным издательством детской литературы, Детиздатом, и наезжал по своим издательским делам в Ленинград и в Москву, иногда (в Ленинград) даже вместе с женой и маленьким Петей. В Ленинграде и в Москве он немало издавался. Конечно, не так, как того заслуживал, но все же нередко.

Во второй половине 30-х очень широко печатались его

видимому, больших расходов, чем давали издания его книг, и Введенский начал не на шутку нуждаться. Удаленность от столичных детских издательств (я имею в виду Детиздат в Москве и его ленинградское отделение) усугубляла его положение.

Но именно благодаря тому, что он теперь не жил в Ленинграде и должен был с московским и ленинградским отделениями Детиздата переписываться, мы десятилетия спустя узнали, каково ему жилось в эти годы.

В фонде Детгиза, который находится ныне в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), хранится переписка А.И.Вве-

издательства – Лидии Феликсовне Кон.

Это всегда – в отличие от редакторских – собственноручные письма (чернила фиолетовые и красные). Публикация их, мы сохраним некоторые особенности авторской орфографии и пунктуации.

18 сентября 1938 г. Уважаемый г. Андреев

Я обращаюсь к Вам с этим письмом, потому что дошел до совершенно безвыходного положения. Для того, чтобы я мог жить – мне надо работать, а для того, чтобы работать – мне надо жить. Сейчас же я, кажется, не могу ни жить, ни работать.

Я имею семью (жену и двух детей), и т.к. как к.к.к. моим единственным источником заработка является заработок литературный, а его в 38 г. почти не было (в плане не стояло ни одной моей книжки), то я вынужден был все продать с себя, и сейчас мне не в чем выйти на улицу, и семья моя и я голодаем.

Мне очень трудно и неприятно писать об этом. Я с 1927 г. работаю в детской литературе, я написал около 30 книг, и не все же они были плохие. Но почему-то получается так, что если меня ругают, то меня не печатают, и если меня хвалят, то меня тоже не печатают.

Я не хочу, сейчас, вступать в споры о том, так ли уж плоха моя книга «Повесть о Девочке Маше», о которой была такая резкая статья в журнале»

Я думаю, что учитывая мое положение, вы поймете, что я жду, во всяком случае, срочного ответа.

А.Введенский. Харьков. Совнаркомовская ул. 8 кв. 4**

Введенский упоминает о «резкой статье», посвященной его «Повести о девочке Маше...». Но в журнале «Детская литература» была даже не одна, а по крайней мере две бранные статьи. В них говорилось, что книга А.Введенского «чужда нам идеям», «является примером... никчемных, ненужных для нашего советского ребенка книг», и он обвинялся в том, что, «не зная... жизни Советской страны и детворы, желая посмеяться над детьми... искажает жизнь», и «это искажение граничит с клеветой» («Детская литература», 1937, № 16 и № 17). Цену таких оценок в 1937 году понимали уже многие...

И, помимо нашедшего отражение в письмах, надо еще помнить, что Введенского преследовали неприятности, связанные с репрессиями 37–38 годов, которым подверглись причастные к его книжкам люди. Так, Введенский сочинил серию книжек про мальчика Федю (нам известно по крайней мере о четырех книжках), проиллюстрированные художником Б.Малаховским, арестованным в 37 году. И эти книжки, конечно, не вышли. Осколки серии начали печататься в журнале «Сверчок», редактором которого был

тального ответа, или чего-то более положительного. Мне для того, чтобы как-то выскочить из того положения, в котором я сейчас нахожусь, нужно немедленно 1.500–2000 р. Поймите, что у меня нет никакого выхода, и никакой возможности жить так дальше.

П.С. Прошу срочно сообщить, к какому окончательному решению пришел г. Андреев и редакция. М.ожет б.суть тот старый договор пойдет сам по себе, а «Щенок и Котенок» будет издан отдельно. Во всяком случае, Вам понятно, что для меня желательнее переиздание «Щенка и Котенка», тем более, что эта книжка была издана всего 1 раз. тир-сажом» 50.000.

А.В. Не сердитесь на меня за резкий тон письма, но мне трудно писать сейчас иначе.

Наверное, А.Введенского могли бы обеспечить гонорары за пересказы сказок братьев Гримм, которые довольно часто переиздавались, но, как известно, в советское время существовала жесткая шкала гонорарных ставок, которые понижались с каждым последующим переизданием и в зависимости от тиража. В 1940 году Детиздат все-таки выпустил «Стихи» А.Введенского, с рисунками В.Вакидина, в книгу вошли и его действительно лучшие вещи – «Кто?» и «Щенок и котенок», о переиздании

Я имею семью (жену и двух детей) и т.к. как к.к.к. моим единственным источником заработка является заработок литературный, а его в 38 г. почти не было (в плане не стояло ни одной моей книжки), то я вынужден был все продать с себя, и сейчас мне не в чем выйти на улицу, и семья моя и я голодаем. Мне очень трудно и неприятно писать об этом. Я с 1927 г. работаю в детской литературе, я написал около 30 книг, и не все же они были плохие. Но почему-то получается так, что если меня ругают, то меня не печатают, и если меня хвалят, то меня тоже не печатают.

Фрагмент письма к директору Детиздата. 18 сентября 1938 года. Факсимиле. РГАЛИ. Фонд Детгиза. Публикуется впервые

«Детская Литература» (собственно с этой статьи и начались все мои несчастья) – м.ожет б.суть» это и так, м.ожет б.суть» действительно эта книжка и плоха, хотя я имею ряд совершенно противоположных отзывов, от ряда писателей, и читателей, знающих эту книжку наизусть. Но неужели из-за одной этой книги надо зачеркивать и меня, как писателя, и все мои книги.

Издательство – не Литфонд. И я не инвалид. Я не обращаюсь к Издательству» – в просьбе о пособии, но я думаю, что Издательство, если оно считает меня писателем, могло бы найти сейчас способ, дать мне возможность жить и работать.

Так например: в последний мой приезд в Москву, в конце августа Л.Ф.Кон выдвинула предложение о переиздании в одной книжке двух моих лучших вещей: «Кто?» и «Щенок и Котенок». Они имели хорошие отзывы.

Л.Ф.Кон сказала мне, что она в самые ближайшие дни переговорит с Вами об этом. Я не знаю, состоялся ли этот разговор? На посланное мною Л.Ф.Кон письмо об этом я никакого ответа не получила.

Я очень прошу Вас, независимо от того, какое решение Вы примете, не задерживать меня ответом на это письмо.

Н.Олейников, арестованный и погибший в том же году... Вот на этом страшном, однако не оглашаемом фоне и шла переписка поэта с издателями.

Наконеч Л.Ф.Кон ответила (ответ не сохранился), и Введенский ей пишет:

Уважаемая Лидия Феликсовна,

Только что (30/IX) получил Вашу открытку от 22 IX, которая меня очень огорчила. Я не знаю, ставил ли Вас Андреев в известность о моем письме на его имя. Я ему изложил со всей резкостью мое невозможное положение. Из телефонного разговора с Михалковым я вынес впечатление, что Андреев готов по настоящему пойти мне на встречу, однако из Вашей открытки этого не видно. Дело в том, что если будет переиздано только «Кто?» и пойдет оно по тому старому договору, то это значит, что сейчас я не получу ни одной копейки, тем более, что из каждой получки бухгалтерия Детиздата вычитает у меня 25%. Если же «Щенок и Котенок», то, очевидно, при переиздании договора, это даст мне сейчас рублей 300–400 р., а я писал Андрееву, и это соответствует действительности, что я все с себя продал, что моя семья голодает, и что мне с наступлением холодов будет не в чем выйти на улицу. Я ждал или отрица-

которых он хлопотал. (Директор издательства был, конечно, давно другой.)

В заключение еще несколько слов о его некнижных делах. Только в самые недавние годы стало известно, что Введенский написал в Харькове две пьесы для кукольного театра Сергея Образцова – взрослый и детский варианты – под названием «Концерт-варьете», не поставленные при его жизни (детский вариант опубликован в журнале кукольников «Театр Чудес», 2001, № 0, с предисловием Бориса Голдковского). И выясняется, что эти пьесы А.Введенского послужили прообразом самого знаменитого спектакля Образцова «Необыкновенный концерт» (в первые годы – «Обыкновенный концерт», попавший в Книгу Гиннеса).

Трагическая судьба гениального Александра Ивановича Введенского теперь всем известна. Он был арестован в Харькове 27 сентября 1941 года и при невыясненных обстоятельствах погиб на этапе в том же году 19 декабря.

Я думаю, что как всякий истинный поэт он предчувствовал, что его поэзия, и взрослая и детская, будет еще долго жива.

** Автографы этого и следующего письма: РГАЛИ, ф. 630, оп. 1, ел. хр. 925, лл. 48–48 об., 182–182 об.

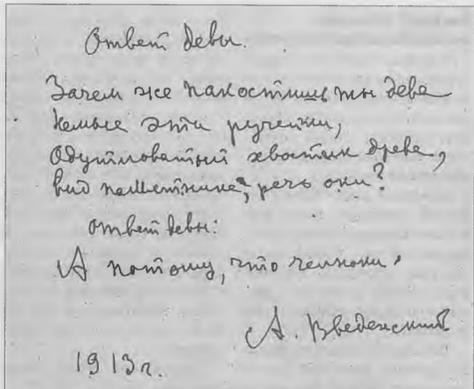
«Ответ девы»

Владимир Глоцер

Все-таки да здравствуют собиратели!

У известного поэта, издателя и коллекционера Алексея Крученых были альбомы, в которых он просил всех литераторов, кого знал, оставлять автографы, а если это были дети или внуки знаме-

ского, приводя в приложениях эти два упоминания в записных книжках Хармса, говорит: «По свидетельству И.В.Бахтерева, это ст-ние – шуточное дустишие, которое было вписано автором в Чукоккалу. Однако во всем тексте Чукоккалы, по сообщению Е.Ц.Чуковской, никаких записей Введенского нет».

Стихи А.Введенского в альбоме А.Крученых. Факсимиле. РГАЛИ. Фонд А.Крученых. Публикуется впервые

нителей писателей, то дать хотя бы небольшой автограф их предка. И вот я просматриваю один из альбомов Алексея Елисевича Крученых, которого, кстати, тоже знал (теперь этот альбом в Российском государственном архиве литературы и искусства). Кого тут только нет! Эренбург и Пастернак, Ремизов и Блок, Ахматова и Платонов, Корней Чуковский и Тьянинов, Илья Ильф и Кедрин, Маршак и Зошенко, Бальмонт и Шенгели, Нельдихен и Глоба... Всех не перечислю.

И так, проглядывая страницу за страницей, нахожу автограф А.Введенского. Известно, что Введенский бывал у Крученых в 30-е годы.

Ответ девы. Зачем же пакостишь ты дева Немые эти ручейки, Одулговатый хвостик древа, Вид памятника, речь оки?

ответ девы: А потому, что челюлки.

А. Введенский 1913 г.*

В записных книжках Даниила Хармса, друга А.Введенского, дважды встречается в ноябре 1926 года упоминание этого стихотворения. То есть, собственно, только его заглавие и первая строчка. Но полный его текст был до сих пор неизвестен. Хармс в своей записной книжке включает «Ответ девы» в список стихотворений А.Введенского, которые советует ему прочесть на каком-то вечере («Шуре советую прочесть...») и вслед за этим называет «Гворения Александра Иван. Введенского», обозначая стихи первой строчкой: «Зачем ты пакостишь о дева».

Комментатор двухтомника взрослых сочинений А.Введен-

Теперь очевидно, что «Ответ девы» не там искали. Игорь Бахтерев, должно быть, слышал от Введенского, что тот вписал эти стихи в альбом, но забыл, в какой.

С этими стихами связан следующий эпизод. Николай Харджиев привел Введенского к Крученых. Полагаю, это было в 1939 году. Введенский прочитал «Ответ девы». А изданный увлеченный поэзией детей Крученых – стихотворенье маленькой девочки, и сказал: «А ведь это лучше, чем ваши стихи». И Введенский потом говорил Харджиеву: «А ведь он прав, стихи девочки лучше, чем мои».

Итак, стихи поэта, у которого очень многие рукописи в силу разных обстоятельств утрачены, нашлись. Это, конечно, главное открытие.

Но есть еще одно. Здесь поражает собственноручно поставленная автором дата: 1913 год!

Выходит, что это стихи восьми-девятилетнего А.Введенского. До сих пор мы знали, что он писал стихи со школьных лет. Но были известны стихи, написанные все же не в таком раннем возрасте.

И еще удивительно: что форма этого стихотворения предвосхищает диалогическую форму зрелой поэзии А.Введенского. У него даже есть очень схожие строки стихов 1920–1930-х годов: «Ответ богам», «Факт, теория и Бог», «Сутки» и другие.

И Хармс, первый друг и советчик Введенского, значит, считал возможным, чтобы Введенский прочел эти стихи на каком-то вечере и даже закончил ими свое выступление. Давным детским стихотвореньем поэта.

* РГАЛИ. Ф. 1334, оп. 1, ед. хр. 1080, л. 70.

«Гриммов брат»

Владимир Глоцер

У известного историка детской литературы Ивана Игнатьевича Халтурина (1902–1969) был – и, слава Богу, он жив – старший сын от первого брака, Виталий. Первым браком Иван Игнатьевич был женат на Л.Пекуровой и жил в Ленинграде. Он, конечно, знал и Даниила Хармса, и Александра Введенского, и Николая Олейникова, и я жалею, что не успел его о них расспросить.

И.И.Халтурин был одно время редактором в издательстве «Молодая гвардия», в котором выходили и детские книжки А.Введенского. Но, кажется, И.Халтурин не был его редактором. Однако несомненно общался с ним.

И подтверждение этому я получил уже в начале нашего века, когда сын Ивана Игнатьевича, Виталий Иванович, процитировал мне стихотворную надпись, которую ему, наверное, девятилетнему мальчику, сделал в свое время на сборнике сказок братьев Гримм – книге в светлокоричневом переплете, как помнит Виталий Халтурин, – Александр Иванович Введен-

ский, пересказавший около пятидесяти гриммовских сказок; эти пересказы появились во второй половине 1930-х годов. И скорей всего то была книга Детиздата 1937 года.

А надпись на титульном листе, наискосок (так помнит Виталий Халтурин), неизвестная до сих пор, была такой:

Мысли в воздухе витали, Их носило ветерком. Сын Халтурина, Виталий, Я с тобой незнаком. В этом папа виноват. Так узнай, – я Гриммов брат.

Книжка с автографом А.Введенского, увы, пропала в блокаду.

Кажется, это единственная дошедшая теперь до нас – пусть по памяти – надпись, сделанная ребенку, а не взрослому, – детского поэта на детской книжке.

На этой странице – фрагменты публикации в одном из будущих номеров «Нового мира». Владимир Глоцер – литературовед, исследователь и публикатор Д.Хармса, А.Введенского и других обрзцов.

Введенский Александр Иванович
Ленинград Свободная ул. д. 37 кв. 14.
В прошлом до 1930г. Общаршт Гинарв
Авто – ретет бессмыслица..
В группе были Хармс Даниил Иванович,
Заблоницкий Николай Алексеевич, и др.
А. Введенский.
18 марта 1936 г.
Москва.

Запись, сделанная по просьбе А.Крученых 18 марта 1936 года. Факсимиле. РГАЛИ. Фонд А.Крученых. Публикуется впервые

поэт ниде больше не появлялся. И о том, что он по-прежнему пишет еще что-то детское, знали, пожалуй, только его близкие друзья: Хармс, Литавский, Друскин... И московские знакомые – Харджиев, Крученых, завлит театра кукол Ленора Шпет... Может быть, кто-то еще. Вместе с тем именно в эти годы (во второй половине 1930-х)

превосходные пересказы сказок братьев Гримм (под общей редакцией С.Маршак). В 1937 году в Детиздате вышла большая прозаическая книга А.Введенского «О девочке Маше, о собаке Петушке и о кошке Ниточке». И в том же году Детиздат выпустил отдельным изданием его прекрасную поэму «Щенок и котенок». Стали появляться какие-то издания и на Украине.

Однако новая жизнь поэта, когда он стал главой семьи и на его иждивении оказались жена и двое детей, требовала, по-

денского с главой и редакторами Детиздата. И эта переписка, и всё, связанное с изданием книжек А.Введенского в эти годы, лучше всего свидетельствуют и о жизни поэта, и о том, как небезоблачно складывались отношения человека такого таланта с главным детским издательством.

Письма Введенского адресованы тогдашнему (в 1937–38 годах) директору Детиздата, впоследствии репрессированному – Сергею Андреевичу Андрееву и редактору Дошкольного отдела

Изд-во не Литфонд. И я не инвалид. Я не обращаюсь к Издательству с просьбой о пособии, но я думаю, что Издательство, если оно считает меня писателем, могло бы найти сейчас способ, дать мне возможность жить и работать. Так например: в последний мой приезд в Москву, в конце августа Л.Ф.Кон выдвинула предложение о переиздании в одной книжке двух моих лучших вещей: «Кто?» и «Щенок и Котенок». Они имели хорошие отзывы.

Фрагмент письма к директору Детиздата. 18 сентября 1938 года. Факсимиле. РГАЛИ. Фонд Детгиза. Публикуется впервые